

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА *СОТРУДНИЧЕСТВО* В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Verbal Representation of Cooperation in the History of Russian Language

Галина Сергеевна Яроцкая

g.yarotskaya@gmail.com

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова (Одесса, Украина)

Galina S. Yarotskaya

g.yarotskaya@gmail.com

Odessa I. I. Mechnikov National University (Odessa, Ukraine)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 30.09.2019

Fecha de evaluación: 03.12.2019

Cuadernos de Rusística Española n° 15 (2019), 113 - 124

РЕЗЮМЕ

Целью предлагаемого исследования является описание особенностей языковой репрезентации концептуального пространства *сотрудничество* как ценностного приоритета в отношениях субъектов трудовой деятельности в истории русской лингвокультуры. Наш анализ лексического и фразеологического материала семантической эволюции концептуального пространства *сотрудничество* показал устойчивость позитивной оценочности и приоритетности идей общности и взаимопомощи в истории русской лингвокультуры. В результате изучения языковых фактов делается вывод об ориентации на сотрудничество-взаимопомощь как средство достижения гармонии в межличностных отношениях.

Ключевые слова: семантика, сотрудничество, ценности, русский язык

ABSTRACT

The main purpose of the paper is to reveal the characteristics and specific features of linguistic representation of competition / cooperation as value priorities in the relations of subjects of labor activity ("working practice") in the history of Russian language. Elements of working practice such as cooperation and mutual aid are considered to have the attributes of nominative density, meaning that they are brought up and developed by human linguistic consciousness. Our analysis of the semantic evolution of the Russian lexicon relating to the cooperation has uncovered certain value-laden connotations – reoccurring in the meanings of a number of Russian words and phraseological units. The research has uncovered that the orientation towards cooperation-mutual aid as the means of achieving harmony in interpersonal relations is more relevant.

Keywords: semantic, cooperation, value, Russian language

Лингвокультурология открывает новый этап в разработке аксиологической проблематики, предоставляет возможность интегративного описания ценностного уровня экономического сознания как коллективного исторического субъекта, так и языковой личности. Использование лингвокультурного экономического концепта (при его аксиологической трактовке) в качестве основной единицы исследования позволяет соотнести стоящее за языковыми знаками содержание и выявить инвариантную и переменную его части, составляющие не только исторически специфичные, но и предельно близкие ценности в аксиогенезе экономического сознания.

Действия власти, направленные на повышение экономической эффективности посредством конкурентной борьбы, могут иметь деструктивные последствия, если речь идёт о людях, которые не рассматривают рост своего экономического благосостояния как ценность, как элемент определённой программы. Таким образом, ошибочные представления о ценностных мотивах, которые движут людьми в трудовой деятельности, ставят под сомнение результат предпринятых властью попыток подключить людей к определённым социальным действиям. В связи с этим встаёт вопрос о выявлении той ценностной системы, с помощью которой носители русской культуры осознавали и осознают экономические условия своего существования; их представления о должном, желаемом поведении участников трудовой деятельности; приоритеты и мотивы, побуждающие их к сотрудничеству или конкуренции; особые институты, в рамках которых происходили и происходят эти действия. Ценность ориентирует человека в его деятельности и детерминирует нормы его поведения. Из этого следует, что изучение языковой объективации аксиогенеза экономического сознания с целью определения ценностного инварианта, позволяющего сохранять единство культуры и воспроизводственной деятельности общества, является **актуальным**.

Под ценностью как лингвоаксиологической категорией в данном исследовании понимается позитивно оцениваемая, актуальная, значимая для языкового сознания сущность, реконструированная на основе анализа языковых фактов и отражённых в лингвокультуре речевых стереотипах. Ценностный потенциал концепта определяется актуальностью данного ментального образования как для отдельного человека, так и для коллектива в целом.

Целью предлагаемого исследования является изучение динамики вербализации семантики сотрудничества в истории русской лингвокультуры. Мы исходим из существования бинарной оппозиции **кооперация / конкуренция** в системе взаимоотношений субъектов трудовой деятельности и её языковой объективации в русском языке.

В качестве **лингвистических методов и приёмов анализа** в ходе исследования применялись: описательный метод, метод концептуального анализа, методы дефиниционного и компонентного анализа; метод реконструкции этимологических составляющих; приёмы интерпретационного анализа; метод количественного анализа частотности словоупотреблений и метод анализа детализации наименования концепта, статистические методы.

Материал исследования извлекался из следующих источников:

- этимологический словарь праславянского лексического фонда, толковые словари древнерусского и церковнославянского языков, толковые словари современного русского языка, словари синонимов, антонимов, словарь пословиц русского народа В. И. Даля, фразеологические словари современного русского языка, электронные словари и энциклопедии, сборники паремий и крылатых выражений русского языка (более 9000 единиц);
- тексты русских народных сказок, из которых способом сплошной и репрезентативной выборки отбирались предложения и сверхфразовые единства, объективирующие исследуемые концепты (объём более 3000 страниц);

— данные Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Изучение ценностных оснований языкового сознания связывают с анализом лексической объективации концептов. Например, В.И. Карасик считает, что «ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает **многостороннее обозначение** (выделено нами. – Г. Я.) в языке. Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта <...>. В этом случае наступает **отождествление ценности и актуальности явления**» (выделено нами. – Г. Я.) (Карасик 2001: 4).

Н.В. Бардина считает, что связь между аксиосистемой народа и синтетизмом тех или иных смысловых зон оказывается очевидной: различия между предметами, свойствами и отношениями, которые пусть и осознаются человеком, но не зафиксированы с предельной лаконичностью в звуковых стереотипах и не частотны в реальном языковом существовании, выступают как менее значимые, второстепенные в национальной лингвоментальной аксиосистеме; (Бардина 1998: 9). Из этого следует, что лишь те элементы, процессы, действия внешней и внутренней реальности, которые осмысляются как важные для жизнедеятельности человека, получают номинацию в языке.

Доказательством актуальности, значимости для языкового сознания той или иной аксиокатегории являются: 1) номинативная и семантическая плотность тематической группы слов, вербализующей экономический концепт; 2) детализация наименования, степень репрезентированности данного концепта фразеологическим фондом языка; 3) частотность слов-репрезентантов концепта в текстах разной жанровой принадлежности; 4) внутренняя форма слов как ценностный мотив концептуализации; 5) аксиологические пресуппозиции в семантике вербальных репрезентантов; 6) прагматический потенциал номинантов концепта.

Исследуя коллективный исторический субъект – русский народ как носитель русского экономического сознания (далее РЭС) и русской лингвокультуры (далее РЛК), мы делаем акцент на субъекте, так как социальная действительность представляет собой непрерывное историческое развитие субъекта – отдельного человека, социальной группы, общества, народа, цивилизации и всего человечества. В данном случае говоря об **историческом субъекте**, мы понимаем любую общность людей (род, семью, социальную группу, народ, этнос, цивилизацию, культуру, человечество), объединённую общей исторической судьбой, местом, временем, условиями и жизненным циклом развития, мировоззрением и базовыми стереотипами поведения.

Традиционно, выделяя исторические периоды, отражающие изменения концептов, говорят о трёх периодах: древний мир, средневековье и современное время (Коч 2010, Красавский 2001). Подобного рода деления на периоды проводятся, как правило, в соответствии с изменениями общественно-политической и экономической обстановки в обществе.

Любая периодизация, не только аксиогенеза РЭС, но и всей истории экономики, каким бы методом она не осуществлялась, всегда будет условной. Но, признавая эту условность, в истории любой страны всегда можно найти поворотные для

её судьбы вехи. Именно такими поворотными пунктами в истории мы считаем принятие христианства, отмену крепостного права (1861 г.), революцию и образование советского государства (1917 г.), а также распад СССР (1991 г.). Эти события послужили отправной точкой для глубинных процессов смены социально-экономической системы, идеологической и, что самое важное для нас, ценностной системы общества. Главное, движение к новым системам не просто начиналось, новые системы с той или иной степенью эффективности функционировали, проявляли свой потенциал и исчезали с исторической сцены с очень большими социальными издержками.

В целом кардинальные изменения ценностей РЭС совпадали с циклами исторического развития России. Поскольку смена ценностей в какой-то степени подвержена воздействию политики, идеологии, культуры и т. д., мы хронологически выделили условно пять периодов аксиогенеза РЭС: **древнекиевский, московский, петербургский, советский и постсоветский**, несмотря на то, что в каждый из этих периодов осуществлялись, реализовывались различные экономические модели взаимодействия. Подчеркнём, что данная периодизация не имеет прямых соответствий ни с периодизацией истории экономических учений, ни с историей экономики России, принятых в качестве парадигмальных в современном научном экономическом дискурсе.

Языковое воплощение ценностных и нормативных ориентаций общества рассматривается нами в соответствии с данной периодизацией аксиогенеза РЭС. Предлагая такую периодизацию аксиогенеза РЭС, мы исходим не только из факторов экономической и социально-исторической значимости вышеназванных процессов, которые обусловили смену ценностных парадигм, но также из языковых и лингвистических факторов, репрезентирующих эту смену. В основу исследования языкового воплощения концептуального пространства *сотрудничество* положен анализ процессов его вербализации в выделенные нами периоды аксиогенеза.

Вслед за концепцией С.Г. Кирдиной (Кирдина 2007), предположим, что экономическое сознание формируется под влиянием того или иного типа институциональных матриц. Выделяемые X- и Y-матрицы, проявляющие себя в сфере экономики, политики и идеологии, соответствуют ценностным инвариантам, в которых коллективное сознание исторически закрепляет смысл определённого общественного устройства. Лингвокультурологический анализ языкового воплощения экономических концептов позволит подтвердить или опровергнуть предположение о том, что в аксиосфере РЭС доминируют черты X-матрицы, для которой характерно господство коммунитарных ценностей. Одним из таких концептов является концепт «сотрудничество».

В коллективном труде американских авторов «Сотрудничество и соперничество среди примитивных народов» рассматриваются тринадцать разных культур с позиций преобладания в них принципа сотрудничества или соперничества. Поскольку интересующую нас общинную русскую культуру можно определить как культуру сотрудничества, стоит уделить внимание результатам этого исследования (Mead 1937).

М. Мид выделяет три типа культур: сотрудничающие, соперничающие и индивидуалистические. Соперничество, по мнению М. Мид, не обязательно носит конфликтный характер; сотрудничество не обязательно предполагает солидарность.

Межгрупповое соперничество может сочетаться с сотрудничеством в рамках собственной группы.

Соперничество, понимаемое как соревнование, следует отличать от соперничества, понимаемого как конкуренция. В первом случае главное – достижение цели, а отношение к соперникам – вопрос второстепенный. Во втором случае, напротив, главное – победить соперников, а достижение цели соперничества менее важно. Подобное различие проводится также между сотрудничеством-кооперацией и сотрудничеством-взаимопомощью. В первом случае упор делается на цель, которой желают достичь совместными усилиями; во втором – на межчеловеческих отношениях (Mead 1937). В «культурах сотрудничества» мы имеем дело с замкнутыми группами, в рамках которых позиция человека определена и гарантирует ему безопасность (вероятно, в качестве примера может служить культура древних восточных славян). Положение человека не зависит здесь от его инициативы и личных притязаний. У праславянских племён соперничеству препятствует отсутствие экономической стратификации и сознание того, что можно улучшить свое положение благодаря успеху в хозяйственной деятельности.

Традиционно русская культура относится к культурам с преобладанием принципа сотрудничества (в отличие, например, от западноевропейской рыцарской культуры соперничества) (Оссовская 1987). Мы предполагаем, что в экономической культуре восточных славян приоритетной ценностью являлось сотрудничество-взаимопомощь, а не кооперация. Анализ динамики языковой репрезентации данного концептуального пространства, возможно, даст основания говорить об устойчивости в русской культуре ценностной ориентации на взаимопомощь в трудовой деятельности.

Следствием первоначальных форм общинного труда явилась взаимная помощь (*работа на помочах*), которая стала важнейшим средством выживания коллектива в борьбе с природной стихией. **Осознание необходимости взаимной помощи с самого начала истории содержало потенциальную возможность первой примитивной дихотомии положительного и негативного – добра и зла (пользы и вреда). Взаимная помощь расценивалась как добро, неоказание помощи – как зло.** Практика отношений взаимопомощи, постепенно осознаваясь, должна была вызвать к жизни не только представления о добре и зле, но и формировать представления о должном поведении, ибо взаимопомощь как добро (как положительная ценность) выступала как императив (ценностная норма) необходимого поведения. Таким образом, можно предположить, что **представление о добре, зле и долге возникли как следствие бытия взаимной помощи.**

Реконструкция ценностей РЭС на материале русских народных сказок, позволяет сделать вывод о языковой объективации как коммунитарных, так и субсидиарных ценностей, при явном доминировании первых. Субсидиарные ценности (стремление к выгоде, заинтересованность в накоплении, богатстве и амбициозность), эксплицитно осуждаемые в большинстве сказок, имплицитно присутствуют в структуре и смысловых паттернах сказок: в конце сказки герой, не стремящийся к деньгам и отказывающийся и богатства, не проявляющий активности и трудолюбия, награждается и тем, и другим. «Неразумная», нерациональная, с точки зрения здравого смысла, трата денег оборачивается выгодным вложением. Вербализация ценностных ориентиров в речевых клише *жить-поживать и*

добра наживать, пировать, гулять как модели счастливой, благополучной жизни свидетельствует об **утилитарных и гедонистических** мотивах РЭС. Вместе с тем проведённый нами анализ текстов сказок показал, что исконные ценности РЛК, одна из которых – сотрудничество-взаимопомощь, находят наиболее полное выражение в коммунитарных приоритетах, соответствующих институциональной X-матрице.

Люди не всегда сразу осознают смену культурных традиций, однако язык фиксирует ценностные разрывы раньше, чем сознание успевает их отразить. Изменения, произошедшие в лексической сфере в московский период, существенным образом не повлияли на концептуальную картину мира, возможно, потому что в ней имела место преемственность ценностных ориентиров. Как считает С. Лурье, «неизменными оказываются логически необъяснимые, принятые в национальной картине мира за аксиому блоки, которые внешне могут выражаться в самой разнообразной форме» (Лурье 1994). К таким блокам мы можем отнести концептуализацию **Правды мира**, в которой отражается приоритет коммунитарных (коллективных) ценностей над индивидуальными. Мир-община и соответствующие ей ценности уравнительности и взаимопомощи явились основой, обладающей наибольшими адаптивными свойствами, которая позволила создать модифицированную православную русскую концептосферу РЭС.

Свидетельством ценностной ориентации на взаимопомощь может служить широко распространенный на Руси весьма своеобразный вид социальной взаимопомощи – *хождение в кусочки*, к которому в случае серьезной нужды мог прибегнуть работоспособный крестьянин. Суть этого способа в том, что крестьянин, у которого в данный момент не оказывалось хлеба, ходил по соседним дворам и деревням, прося хлеб. И ему подавали *кусочки*, большие или меньшие части каравая. Это не был кредит, принятый в странах рыночной цивилизации, ибо ни о каком возврате долга и речи быть не могло, само понятие «долг» в данном случае неприменимо. Не было это и нищенствованием, которое является своеобразным ремеслом. И если с помощью *кусочков* крестьянину удавалось «*перебиться*», он находил работу и покупал хлеб, то он «*возвращал*» его любому другому крестьянину, оказавшемуся в трудном положении (*выделено нами. – Г. Я.*) (Бороноев 1992).

Актуальность и значимость семантики взаимопомощи подтверждается высокой номинативной плотностью репрезентантов протоконцепта «Помощь», которые, по нашим подсчётам, составляют 275 лексических единиц: ср. *подмогъ, подмога, подмогати, подможение, подможка, подможенье, подможный, помочь, помочи, подможный, подмочь, подмощикъ, помогание, норовити, норовникъ, вспомогати, вспомочи, вспомогатель, вспомогательство, вспоможение, вспоможие, выручка, испомогати, испомочи, испоручати, испоручение, помогатель, поможье, посилокъ, послуга, послуговати* (помогать, заботиться), *пособъ, пособивый, пособление, пособити, пособствие, пособство, пособникъ, пособляти, поспешение* (своевременная помощь), *поспешникъ, поспешитель, поспехъ, поспетися, рачительствовати, ряжение, попечение* и мн. др. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1-28). Аналогичные данные даёт Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ).

Сотрудничество в паремическом фонде РЛК осмысливается как взаимопомощь, взаимовыручка (*пособление*), ценностный акцент сосредоточен на коммуитарности: *Артелью гору поднимаешь, а один и камень не сдвинешь. Дружно – не грузно, а*

врозь – хоть брось. Идея коллективного труда является значимой и положительно оцениваемой в РЛК.

О том, что в РЛК акцентированы ценности взаимопомощи и сотрудничества свидетельствует не только номинативная плотность данного лексико-семантического поля (103 лексемы, по данным СЦСРЯ), но и незначительное количество лексем, объективирующих когнитивные признаки соревновательности – конкуренции. В петербургский период истории РЛК впервые зафиксированы лексемы с соответствующими значениями: *соперник* – соискатель, состязатель, противник (СЦСРЯ, т. 4, с. 387), *соперничий, соперничество, соперничествовать, соревнование, соревнователь (соревновательница), соревновать* – вместе с другими ревностно подвизаться в чём-либо и не отставать от других в ревности к какому-либо делу (СЦСРЯ, т. 4, с. 391), *состязать, состязатель, состязательный, состязание* – спор, прение, *состязаться* – иметь с кем-либо состязание, спорить (СЦСРЯ, т. 4, с. 402), *соискатель /-ница* и др.

В лексеме *соревнование* корень *-ревн-* имеет значение 'старательность' и 'усердие' (*ревность*), сохранившееся, например, в современном выражении *ревностно относиться к делу*. Таким образом, **семантические компоненты 'совместность', 'спор', 'усердие', 'противник' свидетельствуют о том, что начальный процесс формирования концептуального пространства конкуренция проходил в рамках коммунарных ценностных ориентиров коллективизма (совместность, приставка *со-*) и усердия (корень *-ревн-*).**

Заемствования *конкуренция* и *конкурент* осмысливаются в РЛК с опорой на идею совместности, которая воплощается во внутренней форме всех соответствующих смыслов в исконно русских словах: *со-искание, со-перничество* и *со-вместник, со-искатель, со-перник, со-требователь* (СлРЯ XVIII в.).

Значение 'совместность деятельности' передано в заимствованной лексеме *кооперация* – сотрудничество, совместные действия, помощь (СлРЯ XVIII в.), которая пополнила ряд многочисленных номинантов концептуального пространства *помощь* с ценностным наполнением «взаимопомощь».

Вербализация концептуального пространства *сотрудничество, совместность, взаимопомощь* в русском языке обнаруживает высокую номинативную плотность, а значит, актуальность соответствующих когнитивных признаков, которые приобретают позитивную оценочность в языке, как в древнекиевский и московский периоды, так и в петербургский: *допоможение, допомочь, помочь, помочник, помощь, помощник/-ница, пособить, пособие, пособление, послуга, послужение, послуживец, послужилец, пособник/-ница, пособлять, пособство, пособствие, пособствовать, пособствователь, пособствование, пособицик/-ица, пособь* – 'помощь', *посредник/-ница, посредничество* ('помощь'), *посредствие, посредствовать, содействие, содействовать, содействователь/-ница, спомощник, споборник* – защитник, *подспаривать, подспорить, подспорье, подмога, выручка* и мн. др. (СЦСРЯ; СлРЯ XVIII в.).

Акцент на совместности, коллективности не только в трудовой деятельности, но и в интеллектуальной, эмоциональной сфере, вербально выраженная идея взаимности, сочувствия, сопереживания зафиксирована в словообразовательных приставочных моделях (*с-по-*) и *со-*, которые реализуются в многочисленных лексемах (377 слов),

типа *спострадание, спострадати*, а также *спомогатель/-ница, спомогательство, способство, споручность, споручение, споручный, споручаться, способник, способство, способствовать, способствователь/-ница, споспешествователь* – оказывающий своевременную помощь, *споспешник, споспешничество* (СЦСРЯ, СлРЯ XVIII в.), *сожитель, совоспитанник, совопрошание, соискание, соискатель, сокупечествовать, сомученик, сообща, соучаствователь, соумышлять, соумирати, соукрашати, соучастник/-ница, сопрестольник, соприимати, сопричастие, сопричастник/-ница, сопружество, сопружник/-ница, сопрение, сопутник, сорадование, соратник, соснедник, сосвидетель, сославити, сослуживец, сослужебник, совраждебник, сострадалец/-лица, сострадательствовати, состранствовати, сострастие, сопутствовать* – присутствовать вместе с кем-либо, *сотрудник/-ница, сотоварищ, сотоварищество, сотрапезник, сотруженник, соутешатися, соумыслить, соученик, соучинити, соцарственник/-ница, сочувствовать, сошественник, союзник/-ница, спленник/-ница, споборник/-ница, споборитель/-ница, споборство* – помощь при брани, содействие, споспешествование (СЦСРЯ; СлРЯ XVIII в.), *споимати* – брать вместе с собой (СЦСРЯ; СлРЯ XVIII в.), *споручаться, споручник/-ница, споручение, споручность, спостник, спострадальчество, сработник/-ница*, и мн. др., имеющих интегральную сему 'совместность'. Большинство перечисленных лексем (около 75%) вышли из употребления в современном русском языке. Возможно, утраченная актуальность соответствующей коммунитарной ценностной ориентации отразилась в снижении количественных показателей вербальных репрезентантов совместного участия в той или иной деятельности или переживаемого эмоционального состояния.

Адаптация заимствованных в петербургский период лексем, репрезентирующих номинативное пространство «конкуренция», свидетельствует о переосмыслении данных отношений с опорой на идею совместности, представленных в лексемах-аналогах – *соискатель, состязатель* (Яроцкая 2013). Вербализация концептуального пространства *сотрудничество, взаимопомощь* в петербургский период истории РЛК обнаруживает высокую номинативную плотность, а значит актуальность, ценность соответствующих когнитивных признаков.

Неологизмы советского периода *коллектив, коллективист, коллективизм, коллективистский, коллективность, коллективы-побратимы, коллективизация, коммуна, квартхоз, колхоз, совхоз, верблюдосовхоз, совхозник, совхозный, общежитие, обобществлять, обобществление, общепит, общественник, общественность, общественный, общественно-полезный, общественно-вредный, общественно-опасный (ТСЯС)* и многие другие содержат семантическую пресуппозицию приоритета общественного над личным. ***Устойчивые сочетания трудовой коллектив, коллектив коммунистического труда, дух коллективизма, дух товарищества, наречие единодушно становятся индикаторами эпохи и ключевыми коммунитарными идеологемами РЛК советского периода.***

Неологизмы *колхоз, колхозный, колхозник/-ница, совхоз* и др., фиксирующие появление новых институтов сельскохозяйственной организации советского государства, в РЭС отождествлялись с общинами, поскольку именно *общины* можно считать лингвокультурными прототипами *колхозов*. Хозяйство *мира/общины* не имело принципиальных отличий от колхозной организации на уровне ценностных

приоритетов и поэтому воспринималось крестьянами –носителями РЛК – как возвращённое справедливое хозяйственное управление: *коммуна – ы, ж. I. коллектив лиц, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда. Трудовая коммуна. Одна из форм сельскохозяйственной производственной кооперации, существовавшая в первые годы советской власти (ТСЯС, с. 613)*. Производные от коммуна – коммунал, коммуналка, коммуналистик, коммуналистский, коммуналотдел, коммуналхоз, объективируют новые институциональные смыслы организации городского жилищного хозяйства. На наш взгляд, неологизм коммуна так же, как в предыдущий период мир, община, объективирует ценности коммунарного общества, становясь в соответствующий эволюционный семиотический ряд: род, мир, община, собор, коммуна. Низкая частотность и слабая семантическая дифференциация в лексико-семантической парадигме коллега, компаньон, партнёр в языке советского периода говорит об их периферийном статусе в русском языковом сознании.

Таким образом, идеологизация языка советского периода опиралась на коммунарные ценности РЭС, на системно-языковом уровне представляющие ценности родства (*братские страны, братская помощь, братские народы*) и сотрудничества, взаимопомощи (*СЭВ — Совет экономической взаимопомощи, кооператив, коммуна, коллектив, коллективизация, жилтоварищество, жилтоварищ, сельхозартель, страна социалистического содружества, шефство, потребкооперация*).

Коммунарные ценности занимали ключевую позицию также и в советской трудовой идеологии (ср. *Советы, касса взаимопомощи, Совет экономической взаимопомощи, взятие на поруки, поручительство, товарищество* и др.) (см. подробнее: Яроцкая 2015, Яроцкая 2017). Тем не менее большинство из приводившихся ранее номинаций лексико-семантического поля «взаимопомощь» вышли из употребления, о чём свидетельствует их отсутствие в словарях как советского, так и постсоветского периодов.

Ценности постсоветского периода, несмотря на лексическую динамику в русском языке конца XX и начала XXI века, в целом показывают устойчивость коммунарности в РЛК. Относительная стабильность ценностной системы, воплощённой в русском языковом сознании подтверждается и результатами массовых свободных ассоциативных экспериментов. Н.В. Уфимцева проследила динамику русского языкового сознания, опираясь на данные нескольких ассоциативных словарей (Язык, сознание, культура 2005), что позволило установить, что с 60-х годов XX века неизменной остаётся соотносённость структуры русского языкового сознания со структурой этнических констант (Уфимцева 2011). К аналогичным выводам приходит в своём исследовании Н.М. Дмитриева: «этическая наполненность основополагающих концептов определяет систему ценностей нации и сохраняется во все периоды существования нации, несмотря на изменения и искажения, которые возникают под воздействием политических и экономических обстоятельств или вводятся намеренно с целью изменения сознания (Дмитриева 2017). Однако, по нашему мнению, смена ценностной парадигмы проявилась в снижении частотности таких номинаций концептуального пространства *взаимопомощь*, как *сердоболие, милосердие, сострадание и взаимопомощь*. Актуальными становятся понятия

благотворительность, спонсорская помощь, финансовая поддержка и др., отражающие прагматические и субсидиарные ценностные ориентации.

В РЭС постсоветского периода, по данным Национального корпуса русского языка за 1991–2008 годы, наблюдается ценностный дуализм, вызванный конкуренцией либеральных (субсидиарных) ценностей и этических ориентиров предыдущих периодов (коммунитарных ценностей). Увеличение показателей частотности (*ipt*, *R* и *D*) некоторых советизмов, по данным Национального корпуса русского языка за 2008–2014 годы, свидетельствует о начале процесса ресоветизации современной РЛК и ценностной системы РЭС, что, возможно, означает попытку восстановления приоритета коммунитарных ценностей *коллективизма, родства, единства, общности, социального равенства, взаимопомощи и справедливости* в русском языковом сознании, ослабивших свои позиции в начале постсоветского периода.

Переформатирование РЭС на основе рыночных субсидиарных ценностей, которое проходило в рамках неолиберальной экономической идеологии, создало предпосылки для ностальгического эмоционального переживания по советскому прошлому, коммунитарной нерыночной аксиосистеме, что отразилось в ресоветизации русского языка новейшего периода. Однако однозначные оценки этому давать преждевременно.

Таким образом, языковая объективация отношений экономических субъектов трудовой деятельности, представленная в бинарной оппозиции *кооперация / конкуренция*, свидетельствует о приоритете ценностей сотрудничества-взаимопомощи в русском языковом сознании, что влечёт за собой ориентацию не на результат в трудовой деятельности, а на согласованность и гармонию межличностных отношений в трудовом коллективе. Вербализация концептуального пространства *сотрудничество, совместность, взаимопомощь* в РЛК обнаруживает высокую номинативную плотность, а значит, актуальность соответствующих когнитивных признаков, которые имеют стабильно позитивную оценочность в языке. Когнитивная метафора конкуренции как борьбы, характерная для западноевропейской культуры, не акцентуирована в русском языковом сознании: данные семантические компоненты остаются на дальней периферии лексико-семантического поля и имеют низкие показатели разработанности в РЛК. Современное состояние аксиосистемы РЛК требует дальнейшего комплексного изучения не только системно-языковой и текстовой объективации, но и ассоциативно-вербальной.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АТРЯ – *Русский ассоциативный словарь* (2002): Т. I. От стимула к реакции; Т. II. От реакции к стимулу. АСТ-Астрель, Москва.
- БАРДИНА, Н.В. (1998): «Когнитивная конденсация как принцип этнолингвального варьирования». *Слов'янський збірник*. Вип. 3. Астропринт, Одесса. С. 8-15.
- БОРОНОЕВ, А.О., СМІРНОВ, П.И. (1992): *Россия и русские: Характер народа и судьбы страны*. Лениздат. Санкт-Петербург.
- ДМИТРИЕВА, Н.М. (2017): *Этическая концептосфера русской языковой картины мира: диахронический аспект*. автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Наталья Михайловна Дмитриева. – Москва.

- КАРАСИК, В.И. (2001): «О категориях лингвокультурологии». *Языковая личность: Проблемы коммуникативной деятельности*. Перемена, Воронеж. С. 3-16.
- КИРДИНА, С.Г. (2008): *Институциональная самоорганизация экономики: теория и моделирование* / С. Г. Кирдина. – Москва: Институт экономики.
- КОЧ, Н.В. (2010): «Исследование концептов в диахронии как теоретическая и методическая проблема» / Н. В. Коч // *Наукові записки. Серія : Філологічні науки (мовознавство)* : у 5 ч. Вип. 89 (1). РВВ КДПУ ім. В. Винниченка. Київ. С. 316-320.
- КРАСАВСКИЙ, Н.А. (2001): *Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах* : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Николай Алексеевич Красавский. – Воронеж.
- ЛУРЬЕ, С. (1994): *Метаморфозы традиционного сознания (опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала)*. Тип. им. Котлякова. Санкт-Петербург.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorpora.ru.
- ОССОВСКАЯ, М. (1987): *Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали*. Прогресс, Москва.
- СлРЯ XI-XVII вв. – *Словарь русского языка XI-XVII веков: Вып. 1-28 (1975-2008)*. Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>.
- СлРЯ XVIII в. – *Словарь русского языка XVIII века: (1984-1991)* Вып. 1-6. Наука, Ленинград; (1992-2011) Вып. 7-19. Наука, Санкт-Петербург.
- СЦСРЯ – *Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук* (1867): Санкт-Петербург.
- ТСРЯ – *Толковый словарь русского языка* (2006): А-ТЕМП, Москва.
- ТСУ – *Толковый словарь русского языка (1935-1940)*: Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. Москва.
- ТСЯС – *Толковый словарь языка Совдепии* (1998): Фолио-Пресс, Санкт-Петербург.
- УФИМЦЕВА, Н.В. (2011): *Языковое сознание: Динамика и вариантивность*. Институт языкознания РАН, Москва.
- ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд (1974-1994)*: Вып. 1-10, 11, 12-20, 21-30. Наука, Москва.
- ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ, КУЛЬТУРА (2005): *Publisher*. Эйдос, Москва.
- ЯРОЦКАЯ, Г.С. (2013): *Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре*. Одесский нац. ун-т имени И.И. Мечникова, Одесса.
- ЯРОЦКАЯ, Г.С. (2015): «Ценностные аспекты вербализации трудовой деятельности в русском языке советского периода». *Вісник Одеського національного університету*. Т. 20. Вип. 2 (12). ОНУ, Одесса. С. 57-65.
- ЯРОЦКАЯ, Г.С. (2017): «Аксиосистема экономического сознания в русской лингвокультуре». *Одеський лінгвістичний вісник*. Національний університет «Одеська юридична академія», Одесса. С. 261-263.
- ЯРОЦКАЯ, Г. С. (2017): *Русский язык как зеркало русского экономического сознания*. Одесса.
- MEAD, M. (1937): *Introduction. Cooperation and competition among primitive peoples*. New York; London. P. 16.

BIBLIOGRAPHY

- ATRJA – *Russkij asociativnyj slovar'* (2002): T. I. Ot stimula k reakcii; T. II. Ot reakcii k stimulu. AST-Astrel', Moskva.
- BARDINA, N.V. (1998): «Kognitivnaja kondensacija kak princip jetnolingval'nogo var'irovanija». *Slov'jans'kij zbirnik*. Vip. 3. Astroprint, Odessa. S. 8-15.
- BORONOEV, A.O., SMIRNOV, P.I. (1992): *Rossija i russkie: Harakter naroda i sud'by strany*. Lenizdat, Sankt-Peterburg.
- JAROCKAJA, G.S. (2013): *Aksiogenez jekonomicheskogo soznanija v russkoj lingvokul'ture*. Odesskij nac. un-t imeni I.I. Mechnikova, Odessa.
- JAROCKAJA, G.S. (2015): «Cennostnye aspekty verbalizacii trudovoj dejatel'nosti v russkom jazyke sovetskogo perioda». *Visnik Odes'kogo nacional'nogo universitetu*. T. 20. Vip. 2 (12). ONU, Odessa. S. 57-65.
- JAROCKAJA, G.S. (2017): «Aksiosistema jekonomicheskogo soznanija v russkoj lingvokul'ture». *Odes'kij lingvistichnij visnik*. Nacional'nij universitet «Odes'ka juridichna akademija», Odessa. S. 261-263.
- JAZYK, SOZNANIE, KULTURA (2005): *Publisher*. Jejdos. Moskva.
- JESSJA – *Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov*: Praslavjanskij leksicheskij fond (1974-1994): Vyp. 1-10, 11, 12-20, 21-30. Nauka, Moskva.
- KARASIK, V.I. (2001): «O kategorijah lingvokul'turologii». *Jazykovaja lichnost': Problemy kommunikativnoj dejatel'nosti*. Peremena, Voronezh. S. 3-16.
- MEAD, M. (1937): Introduction. *Cooperation and competition among primitive peoples*. New York; London. P. 16.
- NKRJA – Nacional'nyj korpus ruskogo jazyka. Rezhim dostupa: www.ruscorpora.ru.
- OSSOVSKAJA, M. (1987): *Rycar' i burzhua. Issledovanie po istorii morali*. Progress, Moskva.
- SCSRJA – Slovar' cerkovno-slavjanskago i ruskago jazyka, sostavlennyj vtorym# otd#leniem Imperatorskoj akademii nauk# (1867): Sankt-Peterburg.
- SIRJA XI-XVII vv. – Slovar' ruskogo jazyka XI-XVII vekov: Vyp. 1-28 (1975-2008). Rezhim dostupa: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>.
- SIRJA XVIII v. – Slovar' ruskogo jazyka XVIII veka: (1984-1991) Vyp. 1-6. Nauka, Leningrad; (1992-2011) Vyp. 7-19. Nauka, Sankt-Peterburg.
- TSJAS – Tolkovyj slovar' jazyka Sovdep'ii (1998): Folio-Press, Sankt-Peterburg.
- TSRJA – Tolkovyj slovar' ruskogo jazyka (2006): A-TEMP, Moskva.
- TSU – Tolkovyj slovar' ruskogo jazyka (1935-1940): Sov. jencikl.; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, Moskva.
- UFIMCEVA, N.V. (2011): *Jazykovoe soznanie: Dinamika i variantivnost'*. Institut jazykoznanija RAN, Moskva.